

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII века

А. А. Зимин

Крестьянская война начала XVII в., потрясшая феодально-крепостническую Россию, представляет собой заметную веху в истории освободительной борьбы трудящихся масс нашей страны против самодержавия. Поэтому советские историки с пристальным вниманием изучают события, связанные с антифеодальным крестьянским движением начала XVII столетия. В литературе по этой теме особенно ценной является монография И. И. Смирнова о восстании Болотникова. Нужно отметить также работы И. С. Шепелева, Н. П. Долинина и целый ряд публикаций новых источников, предпринятых акад. М. Н. Тихомировым и другими историками¹. Не так давно В. И. Корецкий издал обнаруженные им документы², исходившие непосредственно от представителей повстанческого лагеря (до сих пор в распоряжении историков имелись лишь материалы, написанные лицами, которые, как правило, враждебно относились к крестьянам и холопам).

Вместе с тем нельзя сказать, что все важные вопросы истории крестьянской войны начала XVII в. уже решены. Напротив, многие из них нуждаются во всестороннем обсуждении. Прежде всего существуют разногласия во взглядах на то, какие события следует связывать с крестьянской войной начала XVII века. В настоящее время широкое распространение получила точка зрения И. И. Смирнова, фактически отождествляющего крестьянскую войну начала этого столетия с восстанием Болотникова³. «Восстание Болотникова,— пишет он,— является наиболее крупной как по масштабам, так и по значению крестьянской войной в России»⁴. Кстати, это единственный случай, когда И. И. Смирнов в своей монографии говорит о крестьянской войне, так как он предпочитает называть события 1606—1607 гг. восстанием Болотникова. Речь идет, впро-

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951 (1-е изд. Л. 1949); М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова «Исторический архив». Кн. VI. М.—Л. 1951, стр. 81—130; Н. П. Долинин. Административная и социально-политическая деятельность подмосковных полков («казацких таборов») в 1611—1612 гг. «Ученые записки» Днепропетровского университета. Т. 56, вып. IV, 1956, стр. 87—108; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957.

² «К истории восстания Болотникова». «Исторический архив». 1956, № 2, стр. 126—143.

³ См. И. И. Смирнов. Указ. соч. С таким же отождествлением мы встречаемся и в работах: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 503; И. С. Шепелев. К вопросу о классовой борьбе в русском государстве в годы польско-литовской интервенции (1608—1610 гг.). «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. 10. Пятигорск. 1955, стр. 284; В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 96; А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в. Л. 1957, стр. 213.

⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 493. В труде И. И. Смирнова мы не найдем указаний на связь каких-либо событий начала XVII в. (кроме восстания Болотникова и некоторых городских движений) с крестьянской войной.

чем, не столько о терминологии, сколько о существе дела. И. И. Смирнов рассматривает восстание Болотникова изолированно как от крестьянского движения в 1604—1605 гг., так и от массовых восстаний в последующее время. Еще К. В. Базилевич справедливо писал, что «исследователь крестьянской войны не может пройти мимо времени, непосредственно предшествовавшего выступлению Болотникова». Однако у читателя монографии И. И. Смирнова, продолжал К. В. Базилевич, «может сложиться впечатление, что вслед за разгромом Хлопка в крестьянском движении наступает перерыв»⁵. Без изучения событий, приведших к победе Лжедмитрия I, нельзя понять ни размаха восстания Болотникова как определенного звена в крестьянской войне начала XVII в., ни лозунга «за хорошего царя», под которым проходило это восстание. С другой стороны, вооруженная борьба крестьян и холопов не кончилась падением Тулы в 1607 году. Она продолжалась еще долгие годы, и исследователь должен определить взаимосвязь всех этапов этого антифеодального движения.

Восстание Болотникова было лишь кульминационным моментом крестьянской войны. Первый этап, время ее постепенного нарастания, относится еще к 1603—1605 годам.

Приближение крестьянской войны отмечали некоторые современники, как, например, Джильс Флетчер, указывавший в 1591 г. на неизбежность «гражданской войны» в России⁶. Крестьянская война в Русском государстве вспыхнула в самом начале XVII века. Восстание Хлопка 1603 г., охватившее значительные районы русского центра и грозившее столице государства, было бы неправильно относить только к «предвестникам» восстания Болотникова⁷. По существу, оно являлось уже началом крестьянской войны, как справедливо считают П. П. Смирнов, Е. Н. Кушева и В. Д. Королюк⁸. В. И. Лебедев определяет крестьянскую войну как широкую гражданскую войну крестьян против феодалов⁹. Характерными чертами ее являются распространение движения на значительную территорию, наличие у повстанцев больших вооруженных сил, систематически сражавшихся с правительственными войсками.

Восстание Хлопка охватило центральные районы страны: «за разбойники» были посланы царские воеводы во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев и на Коломну¹⁰. Повстанцы одержали ряд крупных побед; ими, в частности, был убит воевода царя Бориса Иван Басманов. Массовый характер и широкий размах этого восстания говорит о том, что движение крестьян и холопов перерастало в то время в крестьянскую войну. Показательно и то, что выступление Хлопка происходило в центральных районах страны, позднее охваченных восстанием Болотникова. После разгрома Хлопка многие участники движения «уйдоша на крайну», то есть в украинские города, где впоследствии поднял восстание Болотников¹¹. «Вечные холопы московския», бежавшие в «Северские» и «Польские» города, были, по утверждению Авраамия Палицына, виновниками всех бед, постигших Русское государство. «И до

⁵ См. К. В. Базилевич. Рецензия на книгу И. И. Смирнова «Восстание Болотникова». «Советская книга», 1949, № 10, стр. 58.

⁶ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб. 1906, стр. 31, 32. Перевод исправлен И. И. Смирновым (И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 62).

⁷ См. И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 55; А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 206—207.

⁸ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М. 1957, стр. 368; Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. «Исторические записки». Кн. 15, стр. 55; «История Москвы». Т. 1. М. 1952, стр. 285.

⁹ В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 92. Поправки, внесенные в ходе дискуссии, не меняют смысла этого определения (см. «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 69).

¹⁰ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 78—79.

¹¹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XIV, первая половина, стр. 56.

днесь (до 1620 года.— А. З.),— добавляет автор,— вся Росия не может от вяя своея разрешити того ярма»¹².

Некоторые советские историки (А. А. Савич и другие), критикуя неверное представление М. Н. Покровского о Лжедмитрии I как о «крестьянском царе»¹³, стали рассматривать события периода борьбы самозванца с Борисом Годуновым только как иностранную интервенцию и видели основную опору Лжедмитрия I лишь в вооруженной поддержке польских феодалов. С этим нельзя полностью согласиться. Лжедмитрий действительно был политическим авантюристом, игрушкой в руках польских магнатов. Но особенностью событий 1605 г. являлось перемещение центра нараставшей крестьянской войны на южные окраины Русского государства. Угнетенные массы крестьян и холопов поддерживали борьбу Лжедмитрия с Борисом Годуновым. В. Д. Королук справедливо считает, что главной причиной успехов самозванца послужила поднимавшаяся волна крестьянской войны, которую последний сумел использовать в своих интересах¹⁴. Совершенно непонятно, почему А. В. Малков, оспаривающий этот тезис, бездоказательно усматривает в нем «антиисторический» подход «с позиций национального нигилизма»¹⁵. Характеризуя идейный замысел сцены под Кромами из музыкальной драмы Мусоргского «Борис Годунов», «Правда» отмечала, что в ней показано «стихийное крестьянское восстание против царя Бориса». И действительно, в то время в Лжедмитрии крестьяне «видели не интервента, а освободителя от ненавистного Бориса, боярского, в понимании народа, царя»¹⁶. О поддержке Лжедмитрия крестьянами и горожанами южнорусских городов свидетельствуют многочисленные факты, в частности переход на сторону самозванца населения Рыльска, Курска, Кром, Белгорода и др., а также крестьян Комарицкой волости, ставшей позднее одним из основных центров восстания Болотникова¹⁷. «Смятение великое и распря в народе» произошли в 1605 г. и в Астрахани, где народные массы разгромили владычный двор и расправились с архиепископом Феодосием¹⁸.

В самой столице Русского государства Москве городские низы ждали только удобного случая, чтобы выступить против господ. Именно поэтому многие надеялись на скорую победу самозванца. Восстание народных масс Москвы оказало то решающее влияние, благодаря которому столица перешла под власть Лжедмитрия I¹⁹.

Законодательная деятельность Лжедмитрия обнажила крепостнический характер его политики, но вместе с тем показала, что правительство было вынуждено в этот период считаться с ростом антифеодальной борьбы. Приговор 1 февраля 1606 г., восстанавливая пятилетний срок сыска крестьян, тем самым признавал, что крестьяне, бежавшие до 1601 г., не подлежали возврату своим господам, тогда как по закону 1597 г. сыску подлежали все крестьяне, незаконно покинувшие феодала после 1592 года. Господам не возвращались также и крестьяне, бежавшие «от бедности»²⁰ в голодные годы начала XVII века. Учитывая интересы поме-

¹² «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 110.

¹³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1932, стр. 64—66; А. Савич. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей. Ч. I. М.-Л. 1939, стр. 179—243.

¹⁴ См. «История Москвы». Т. I, стр. 289, 294.

¹⁵ А. В. Малков. Рецензия на «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». «Преподавание истории в школе». 1956, № 4, стр. 117.

¹⁶ «Правда», 13 июля 1947 года.

¹⁷ И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 81.

¹⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 220.

¹⁹ С. А. Белокуров. Разрядные записи на Смутное время. М. 1907, стр. 5—6; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 497.

²⁰ «Памятники русского права». Вып. IV. М. 1956, стр. 565.

шиков (в первую очередь южнорусских, содействовавших победе самозванца)²¹, правительство Лжедмитрия вынуждено было считаться также с массовым характером крестьянских побегов в конце XVI — начале XVII века. Все это вызывало недовольство в широких кругах господствующего класса, которые стремились добиться безурочного сыска крестьян.

Та же двойственность обнаруживается и в законодательстве Лжедмитрия о служилых холопах.

Приговор 7 января 1606 г. не только запрещал записывать служилых холопов за двумя господами, но и объявлял недействительными все кабалы, записанные на имя отца с сыном или братьев²². Пытаясь обойти приговор 1 февраля 1597 г., устанавливавший личную зависимость кабального холопа (до смерти господина), многие феодалы заставляли поступавших в холопы писать кабалы на имя нескольких холоповладельцев-родственников²³. Приговор 1606 г. освобождал значительное число кабальных холопов, находившихся в зависимости от нескольких родичей-холоповладельцев. Приговоры о кабальных холопах и о крестьянах, конечно, не говорят о том, что Лжедмитрий I — «крестьянский царь», но они не в такой полной мере проникнуты «тенденцией усилить крепостнический гнет», как то думает И. И. Смирнов²⁴.

С законодательством Лжедмитрия I связывались у некоторой части крестьян и холопов иллюзии «о хорошем царе», что способствовало популяризации среди них имени «царевича Дмитрия».

Беззастенчивое хозяйничанье польских магнатов в Москве вызвало всенародное восстание (17 мая 1606 г.). В ходе него с Лжедмитрием I было покончено.

Вторым этапом крестьянской войны и одновременно ее кульминационным моментом явилось, на наш взгляд, восстание Болотникова. Третий этап (1607—1614) характеризуется постепенным спадом движения, сложным переплетением антифеодальной борьбы с борьбой против иноземного вторжения. В нашей литературе появилась обстоятельная работа И. С. Шепелева, посвященная классовой борьбе 1607—1610 годов. Однако автор почему-то не считает возможным рассматривать широкий размах вооруженных выступлений крестьян и холопов в эти годы как продолжавшуюся крестьянскую войну.

Разгром восстания Болотникова не означал конца крестьянской войны: она приняла новые формы и наряду со старыми охватила новые районы Русского государства. Сразу же после взятия Тулы правительственными войсками восставшие крестьяне и холопы «паки воздвигоша рать были первая и вместо тишины дохнута буря»²⁵.

²¹ В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. Журнал «История СССР», 1957, № 1, стр. 187.

²² Там же, стр. 376. Приговор «велел писать кабалы порознь, отцу опроченная кабада, а сыну опришенная». И. И. Смирнов считает, что, согласно закону, в «данный момент» на одного холопа могли составляться две кабалы, то есть отцом-холоповладельцем и его сыном (И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета, 1938, № 19, стр. 189). Но второй акт на одного и того же холопа мог быть заключен только после ликвидации первого (после смерти холоповладельца, освобождения холопа и т. п.): законодательство о холопах категорически не допускало существования нескольких документов разных лиц на одного кабального человека (см., например, указ 21 мая 1609 г., где говорится о том, что кабалы дети боярские брали «после (после смерти.— А. З.) отцов своих». «Памятники русского права». Вып. IV, стр. 380).

²³ Так, 11 июля 1603 г. Марина Алексеева дочь с детьми обязалась «за рост служити» Казарку Малечкину и его сыну Ивану; 19 февраля 1603 г. Абрамко Мартынов составил служилую кабалу, заняв 2 рубля у Никифора и Василия Родичевых, которым он обязался «служити». «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг.». М.-Л. 1938, стр. 81, 141.

²⁴ И. И. Смирнов. К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I, стр. 200.

²⁵ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. XIII, стб. 115.

Новому царю, В. Шуйскому, не покорился ряд южных городов, в том числе Козельск и Калуга, население которых принимало активное участие в восстании Болотникова. В Рязанском крае, Пскове и Астрахани движение продолжалось до 1612—1614 годов. Еще осенью 1611 г. рязанские чернослободцы писали, что с 1605—1606 гг. не стихает «межусобная брань» в Переяславле Рязанском, принудившая местных детей боярских стоять в слободах «мимо своих поместей»²⁶. Уже осенью 1607 г. отложились от Шуйского северские и украинские города.

В 1607—1609 гг., пока Лжедмитрий II полностью еще не разоблачил себя как ставленник польских авантюристов, крестьяне и холопы многих районов поддерживали его в борьбе с помещиками, разоряли дворянские поместья, убивали господ²⁷. К осени 1608 г. Лжедмитрия II признали Можайск, Вязьма, Великие Луки, псковские пригороды. От Василия Шуйского отложились ряд городов Замосковья и Севера (Переяславль, Ярославль, Муром, Суздаль).

В этих городах происходила напряженная социальная борьба. В ходе ее часто дворянство и посадские верхи выступали за Шуйского, а масса городского населения — против него. Так, в Ярославле, как видно из сообщения одного современника событий, «лутчие люди, пометав дома своя, разбежались, а чернь со князем Федором Борятинским... крест де целовали, сказывают, царевичу князю Дмитрию Ивановичу»²⁸. Социальная демагогия и военные успехи Лжедмитрия II способствовали усилению антифеодального движения. Конрад Буссов писал, что самозванец «еще более увеличил число приверженцев, объявив в разных городах, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могут присвоить земли господ своих, служивших Василию»²⁹.

Так же упорно, как в годы восстания Болотникова, протекала борьба в нижегородских землях, где зимою 1608 г. «мордва и бортники и боярские холопы и крестьяне, приидоша под Нижней Новъгород, осадиша»³⁰. К январю 1609 г. центр движения крестьян Поволжья переместился в район Казани, где происходили кровопролитные сражения с войсками Шуйского³¹. В этой совместной борьбе против угнетателей росла и крепла дружба русского народа с народами Поволжья.

О широком движении против правительства Шуйского в первые годы выступления Лжедмитрия II свидетельствуют законодательные акты. Еще во время восстания Болотникова, 7 марта 1607 г., был издан указ о «добровольном холопстве». Этим указом правительство стремилось расколоть лагерь крестьян и холопов, участвовавших в антифеодальной борьбе (запрещалось холопить лиц, бескабально служивших у феодалов). По указу 9 марта 1608 г. признавались недействительными «записи», то есть служилые кабалы на добровольных холопов. Мы видим, следовательно, что правительство Шуйского, как и в 1607 г., стремилось сходными мероприятиями добиться разгрома крестьянского движения в годы выступления Лжедмитрия II. Аналогичные цели преследовало оно и изданием приговора о беглых холопах 25 февраля 1608 г.: холопов, участников восстания Болотникова, получивших «отпускные» за переход на сторону правительства, но вновь изменивших ему, оно обязывалось не выдавать в холопство, если «с нынешнего воровства прибежат ко государю сами... потому, что они сами принесли вину свою»³². Не исключена возможность, что в начале 1609 г. холопы подали челобитную, «чтоб не

²⁶ Акты подмосковных ополчений. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (Чтения ОИДР). 1911, кн. IV, № 11.

²⁷ «Акты Археографической экспедиции» (ААЭ). Т. II, № 87.

²⁸ Там же, № 88.

²⁹ «Сказания современников о Дмитрии самозванце». Ч. 1. СПб. 1859, стр. 94.

³⁰ ПСРЛ. Т. XIV, первая половина, стр. 72.

³¹ «Очерки истории Мордовской АССР». Т. 1. Саранск. 1955, стр. 92.

³² «Памятники русского права». Вып. IV, стр. 378.

быть рабами». Ответом на это челобитье был закон 21 мая 1609 г., подтвердивший отмену наследственности кабального холопства³³.

Вместе с тем Лжедмитрия II отнюдь нельзя называть «казацко-крестьянским царем»³⁴, ибо он был просто марионеткой в руках польских авантюристов Ружинского, Сапеги и других.

По мере нарастания иностранной интервенции крестьянская война шла на убыль. Поэтому И. С. Шепелев напрасно возражал Н. Л. Рубинштейну, отмечавшему некоторый спад крестьянского движения после восстания Болотникова³⁵.

В обстановке борьбы крестьян, холопов и посадских людей с иноземным вторжением происходило временное ослабление крестьянских выступлений против феодалов. Уже в конце 1608 г. восставшими посадскими людьми было свергнуто владычество тушинцев в Вологде, а к началу 1609 г.— и во многих других северных русских городах. Основную часть первого и второго ополчений, сражавшихся за освобождение Москвы против иноземных захватчиков, составляли крестьяне, казаки и посадские люди³⁶. Однако наряду с этим в Пскове, Новгородской земле и других районах Русского государства шла напряженная борьба против бояр и помещиков. Еще летом 1607 г. чуть не разразилось восстание в Пскове, когда псковичи выразили свое сочувствие доставленным в город чetyремстам болотниковцам³⁷. Волнения имели место в сентябре 1608 г., после того как Псков присягнул Лжедмитрию II. Кульминационного момента движение достигло на следующий год в мае. Тогда «меньшие» люди — горожане и стрельцы — захватили власть в городе. Движение имело патриотическую и антикрепостническую направленность: его участники выступали не только против «больших людей», но и против попыток последних укрепить свою власть с помощью шведских интервентов³⁸. Переворот 18 августа 1609 г. привел к временному господству феодальной знати и купечества. Однако в результате нового восстания (февраль 1610 г.) «меньшие» опять захватили власть. Наконец в декабре 1611 г. в Псков был приглашен самозванец «Матюшка» (причем в «казаках» у него были «холопы боярские и всякие воры»³⁹), которому, кстати сказать, в марте 1612 г. присягнули казацко-дворянские отряды первого ополчения. Только в мае 1612 г. псковские низы потерпели окончательное поражение. События в Пскове подробно и ярко изложены в трех повестях, две из которых дают, по словам М. Н. Тихомирова, «точку зрения восставших крестьян и низов городского населения»⁴⁰.

После низведения с трона Василия Шуйского (июль 1610 г.), не сумевшего справиться с задачей подавления народного движения, московские бояре присягнули польскому королевичу Владиславу. К этому их побудила прежде всего боязнь дальнейшего роста народной борьбы. Сто-

³³ В. Н. Татищев. История российская. Кн. I, ч. 2-я. М. 1769, стр. 531; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 81.

³⁴ См. М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1932, стр. 68.

³⁵ См. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 145.

³⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 559—560.

³⁷ «Псковские летописи». Вып. II. М. 1955, стр. 269. Только в июле — августе 1607 г. в Псков и Новгород было отправлено 630 колодников, из них 130 в Псков (А. А. Зимин, Р. Г. Королев. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». Кн. VIII. М. 1953, стр. 21—60).

³⁸ Подробнее см. Г. В. Проскурякова. Классовая борьба в Пскове в период польско-шведской интервенции. Л. 1954, стр. 222 и сл. (кандидатская диссертация).

³⁹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 354.

⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. «Из истории социально-политических идей. К 70-летию академика Вячеслава Петровича Волгина». Сборник статей. М. 1955, стр. 181.

ронники Владислава считали, что «лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти»⁴¹.

Позиция московского боярства, конечно, содействовала его изоляции. Значительная часть крестьянско-казацких отрядов, входивших в состав тушинского лагеря Лжедмитрия II, перешла на сторону организаторов первого ополчения. Этому способствовало и то, что Ляпунов обещал дать «волю» и жалование боярским людям «крепостным и старинным», если они придут в ополчение⁴².

Несмотря на широковещательные обещания, руководители первого ополчения старались сохранить в неприкосновенности старые крепостнические отношения, и в этом была основная причина его распада.

Программа крепостнической реставрации, провозглашенная приговором 30 июня 1611 г.⁴³, привела к взрыву социальных противоречий в отрядах ополченцев и гибели Ляпунова. После этого наступил окончательный распад первого ополчения. Как показал в своей работе Н. П. Долинин, руководители подмосковных полков после гибели Ляпунова продолжали осуществлять мероприятия, отвечавшие дворянским интересам⁴⁴. Но положение под Москвой осложнилось. Автор «Нового летописца» писал, что «ратным людям» (то есть дворянству) были «от казаков гонение и теснота великие»⁴⁵. О «тесноте» говорит и Авраамий Палицын, сообщающий, что «казаки же начаша в войнстве великое насилие творити, по дорогам грабити и побивати дворян и детей боярских»⁴⁶. Заруцкий прямо выступил против смоленских дворян. В итоге казацкие элементы первого ополчения принесли присягу на верность псковскому «вору» Сидорке.

В официальных документах того времени указывается, что крестьянско-казацкие элементы первого ополчения стремились «бояр и дворян и всяких чинов и земьских и уездных лутчих людей побити и животы разграбити и владети им по своему воровскому казацкому обычаю»⁴⁷. В дальнейшем с Заруцким ушла из-под Москвы «мало не половина войска», что свидетельствует о значительной роли казаков и крестьян в подмосковных полках⁴⁸.

Демократическим элементам подмосковных полков сочувствовала и посадская беднота ряда русских городов. В Ярославле продолжалась острая борьба между различными прослойками горожан. В 1611 г. демократические ловецкие слободы (так называемые посадские «ловецкие крестьяне»), по признанию земских старост — «лучших людей» Григория Никитникова и Надеи Свешникова, не желая с ними «всяких потугов тянути и служеб служить», ехав в полки под Москву, и заложившись за нашего измненника, за Ивашка Заруцкого»⁴⁹.

Только организаторы второго ополчения — Минин и Пожарский — сумели сплотить различные социальные силы в национально-освободи-

⁴¹ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 268.

⁴² ААЭ. Т. II, стр. 326—327.

⁴³ Текст приговора см. в книге И. Е. Забелина «Минин и Пожарский». М. 1901, стр. 260—268. Подробный анализ его дан И. С. Шепелевым в работе «Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении». «Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института». Вып. II. Пятигорск. 1948, стр. 101—136.

⁴⁴ Н. П. Долинин. Административная и социально-политическая деятельность подмосковных полков («казацких таборов») в 1611—1612 гг. «Ученые записки» Днепропетровского государственного университета. Т. 56, вып. IV, 1956, стр. 87—108.

⁴⁵ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 217.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XIV, первая половина, стр. 114. Об этом же сообщает и автор «Пискаревского летописца», говоря, что «досталь почало от казаков воровство и насилие быть великое». «Материалы по истории СССР». Т. II, М. 1955, стр. 136.

⁴⁷ ААЭ. Т. II, № 203.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XIV, первая половина, стр. 123.

⁴⁹ «Ярославские губернские ведомости», 1856, № 47, часть неофициальная.

тельной борьбе русского народа и довести до конца освобождение страны от иностранных захватчиков.

Весьма сложное явление завершающего периода крестьянской войны представляет собою движение во главе с Иваном Заруцким, одним из участников восстания Болотникова. Если последователи М. Н. Покровского (С. Тхоржевский и др.)⁵⁰ видели в Заруцком как бы непосредственного предшественника Разина, то в более позднее время его стали рассматривать лишь как авантюриста, главу шайки искателей приключений и наживы⁵¹. Движение Заруцкого нуждается еще в специальном исследовании. Самого его, конечно, нельзя поставить в один ряд с Болотниковым и другими руководителями крестьянского движения XVII века. Но уже сейчас некоторые данные позволяют утверждать, что крестьяне, холопы и особенно казаки были активными участниками отрядов Заруцкого. Так, в одной из грамот, отправленной 31 декабря 1612 г. в связи с созывом Земского собора, говорится, что Заруцкий, «прибрав к себе воров, холопей боярских и пашенных мужиков, которые не хотят покою христианского и тишины, в рязанских пригородах стоит»⁵². Рязанский край, как уже отмечалось выше, был одним из основных очагов крестьянской войны начала XVII века.

О социальной направленности движения Заруцкого можно судить по десяткам челобитий, поданных весной и летом 1613 г. дворянами рязанских городов (Черни, Крапивны, Елецка, Соловы, Новосия, Орла и Мценска). В них говорится о разорении поместий, чинимом «казаками» и Заруцким, о конфискации имущества и казнях дворян и т. п.⁵³. Упоминающиеся в источниках при описании событий начала XVII в. «казаки» далеко не всегда были прямыми выходцами с Украины. Чаще всего их основную массу составляли беглые: пашенные мужики, боярские холопы, гулящие люди и даже мелкие служилые люди по прибору. Таковыми, например, были «казаки» в войске псковского самозванца Сидорки. Среди «казаков», по словам Баима Болтина, «были холопы боярские и всякие воры ерыжные и зершики»⁵⁴. «Казаками» называют участников отрядов Болотникова, действовавших под Волоколамским монастырем⁵⁵. В составе «казаков» Заруцкого также было много крестьян, холопов и гулящих людей. Так, зимою 1613—1614 гг., как «почал быти в Нижнем слух с Низу про вора про Ивашка Заруцкого, и с Москвы, государь, и из верховских изо многих городов многие гулящие люди безымяние пришли в Нижний», собираясь в дальнейшем переправиться к Заруцкому⁵⁶. Астрахань, один из главных центров восстания Болотникова, сделалась опорным пунктом движения Заруцкого. Причину этого можно объяснить условиями социально-экономической жизни Нижнего Поволжья (наличие казацкой голытьбы, большого посада и т. п.). В годы крестьянской войны в Астрахани один за другим появлялись самозванцы из самых демократических слоев населения: «иной боярский человек, а иной мужик пашенной»⁵⁷. В Астрахани Заруцкий пытался опереться на местную голытьбу

⁵⁰ С. Тхоржевский писал, что «Заруцкий как бы указывает дорогу Разину». С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пгг. 1924, стр. 50.

⁵¹ В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института. Т. XIX. Л. 1939, стр. 130; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в.», стр. 603.

⁵² Государственная библиотека имени В. И. Ленина, отдел рукописей. Музейное собрание № 4651, л. 86 об.

⁵³ «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича». Чтения ОИДР, 1915, кн. IV, стр. 75—77, 84, 103, 104, 118, 124, 136, 171, 173 и др.

⁵⁴ «Памятники истории нижегородского ополчения». Действия нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XI. Нижний Новгород. 1912, стр. 415.

⁵⁵ Г. Бибииков. Новые данные о восстании Болотникова. «Исторический архив». Т. I. М.-Л. 1936, стр. 12.

⁵⁶ В. Н. Бернадский. Указ. соч., стр. 106.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XIV, первая половина, стр. 89.

и стрельцов, тогда как его противниками выступали воевода князь И. Ф. Хворостинин и «иные лутчие люди»⁵⁸.

Итак, крестьянская война начала XVII в. отнюдь не заканчивается разгромом восстания Болотникова. Она продолжается еще долгое время и завершается только к 1614 г., когда были подавлены ее важнейшие очаги.

Классики марксизма-ленинизма учат, что победить помещиков и капиталистов восставшее крестьянство может только в союзе и под руководством пролетариата. Рассматривая массовую борьбу крестьян против помещиков в период господства крепостного права, В. И. Ленин писал, что тогда «у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»⁵⁹. Развивая это положение, И. В. Сталин отмечал: «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»⁶⁰.

В период, когда вопрос об окончательном освобождении от всех эксплуататоров еще не ставился, когда речь шла о борьбе крестьян против феодалов, как это было, например, в Германии XVI в. или в России начала XVII в., союзниками крестьян выступали горожане, то есть бюргерство, и особенно плебейские элементы городского населения.

В. И. Ленин, разбирая уроки крестьянской войны XVI в. и революции 1848 г. в Германии, специально отмечал, что «организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию» (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁶¹. Для России начала XVII в., как и для Германии XVI в., еще не стоял вопрос о руководстве крестьянским движением со стороны пролетариата. Зато вопрос о роли горожан в событиях начала XVII в. поставить не только уместно, но и необходимо.

Русский город в начале XVII в. в социально-экономическом отношении значительно отставал от городов ряда европейских стран, где уже зарождались элементы капитализма. «Новый период русской истории», характеризовавшийся складыванием всероссийского рынка, то есть созданием буржуазных экономических связей в стране, начался, как указывает В. И. Ленин, примерно с XVII века⁶². Поэтому в годы крестьянской войны начала XVII в. русские горожане (бюргерство), экономически и политически еще очень слабые, оказались не в состоянии возглавить крестьян и холопов и привести их к победе над феодалами. Еще в середине XVI в., в период подъема русского реформационного движения, посадские люди были очень слабо затронуты им, и фактически бюргерскую позицию в России выражали такие представители дворянства, как Матвей Башкин⁶³. Показательно и то, что крупнейшие русские города — Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Казань, Ярославль, Нижний — не примкнули к восстанию Болотникова. Выступления горожан в этих городах были стихийными и разрозненными. В дальнейшем посадские люди восточного Замосковья, Севера и Поволжья приняли активное участие в борьбе с отрядами Лжедмитрия II.

Касаясь причин поражения крестьянской войны в Германии, Энгельс писал: «Бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы

⁵⁸ РИБ. Т. XVIII, стб. 174. Правительство Михаила Федоровича писало Заруцкому, что он «простых людей в смуту приводит». Там же, стб. 196—197; см. также О. А. Яковлева «Пискаревский летописец». «Материалы по истории СССР». Т. II. М. 1955, стр. 141.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 384.

⁶⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 13, стр. 112—113, ср. т. 8, стр. 143.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 181.

⁶² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

⁶³ См. А. А. Зимин. Русский вольнодумец XVI в. Матвей Башкин. «Вопросы истории религии и атеизма». IV сборник статей. М. 1956.

объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне»⁶⁴. В известном смысле сходной была обстановка и в России в начале XVII века.

Анализируя причины неудачи восстания Болотникова, И. И. Смирнов видит их в стихийном характере борьбы крепостных крестьян, в разобщенности районов крестьянского движения, в царистской идеологии крестьянства⁶⁵. А. Г. Маньков правильно объясняет стихийность восстания «исторической незрелостью, низким уровнем экономического и политического развития крестьянства как класса в эпоху крепостничества»⁶⁶.

Крестьянскую войну значительно ослабило участие дворянских попутчиков, которые предавали в критические моменты крестьян и холопов.

Разгром «ересей» в середине XVI в. был основной причиной того, что крестьянская война в России (в отличие от крестьянской войны в Германии) не слилась воедино с реформационным движением. Церковь сумела к началу XVII в. сохранить свои экономические и идеологические позиции и оказала значительную помощь правительству Шуйского в борьбе против крестьян и холопов. Учение идеолога посадского плебса и крестьянской бедноты Феодосия Косого, получившее распространение в 50—60-х годах XVI в., не стало знаменем вооруженной борьбы крестьянства, как это было с учением Томаса Мюнцера в Германии. Отсутствие четко выраженной социальной программы, как справедливо отмечал В. И. Шунков, является характерным признаком стихийности восстания Болотникова⁶⁷.

Наконец, иностранная интервенция, как уже говорилось, ослабила размах движения против помещиков-крепостников. Рост партизанской борьбы крестьян и холопов против польских и шведских отрядов в 1609—1612 гг., то есть во время спада крестьянской войны, хорошо прослежен исследователями⁶⁸.

До сих пор не может считаться решенным важный вопрос об историческом значении крестьянской войны начала XVII века. В специальном разделе своей монографии, озаглавленной «Природа восстания Болотникова и его историческое значение», И. И. Смирнов не раскрыл полностью эту тему и фактически свел все значение движения Болотникова лишь к тому, что оно было «первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»⁶⁹. Однако крестьянские восстания происходили, как известно, и раньше, задолго до начала XVII в., а то, что первая крестьянская война предшествовала другим крестьянским войнам, отнюдь не раскрывает во всем многообразии ее конкретно-историческое значение.

В кратком очерке «Истории восстания Болотникова» И. И. Смирнов попытался увидеть значение восстания в том, что оно нанесло сильнейший удар основам социального строя Русского государства. Опираясь на исследование А. А. Новосельского, И. И. Смирнов отметил, что законодательные нормы 80—90-х годов XVI в., дававшие феодалам право розыска беглых крестьян «без урочных лет», уступили в 10-х годах XVII в. место принципу «урочных лет», то есть сыску крестьян лишь

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, Госполитиздат. 1955, стр. 379.

⁶⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 506—507, 512.

⁶⁶ А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 221.

⁶⁷ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 370—371.

⁶⁸ Н. И. Покровский. Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609 гг. «Ученые записки» Ростовского университета, 1945, т. VI, вып. 3, стр. 3—45; Н. Л. Рубинштейн. Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века. «Труды» Государственного исторического музея. Кн. 20. М. 1948, стр. 47—48; В. А. Фигаровский. Партизанское движение во время шведской интервенции. «Новгородский исторический сборник». Вып. 6. 1939, стр. 41 и сл.; И. П. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск. 1950.

⁶⁹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 513.

в течение 5 лет со дня побега⁷⁰. Однако уже в законе 1597 г. был установлен пятилетний срок сыска крестьян («дати суд и сыск в делех крестьянских, которые до нынешнего 106 году выбежали за пять лет») ⁷¹. Поэтому нельзя говорить о «безурочном сыске крестьян» в конце XVI в. и установлении этого срока лишь в 10-х годах XVII столетия. По мнению В. И. Лебедева, значение крестьянской войны начала XVII в. заключается в том, что она «своим воздействием на класс феодалов и его государственный аппарат ускорила централизацию государства, ослабила феодальную замкнутость отдельных земель и тем самым способствовала дальнейшему росту производства и обращения в стране» ⁷². Крестьянская война начала XVII в. отнюдь не ускорила централизацию государства; наоборот, она нанесла сильнейший удар всему феодально-крепостническому строю. Будучи ответом на возраставшее угнетение холопов и крестьян, она прежде всего затормозила процесс закрепощения крестьян и холопов. Даже самый беглый обзор крестьянского и холопского законодательства подтверждает эту мысль. Согласно принятому в самый разгар крестьянской войны закону от 7 марта 1607 г., слуга, не желавший давать на себя кабалу, оставался свободным. Указом 9 марта 1608 г., изданным в момент значительных успехов Лжедмитрия II, фактически отменялась пожизненность служилого холопства ⁷³. Правда, позднее, в связи с победами Шуйского над тушинским лагерем, боярским приговором 12 сентября 1609 г. указ от 7 марта 1607 г. был отменен и восстановлен закон 1597 г. о служилом холопстве ⁷⁴. Но дальнейшего закрепощения служилых холопов дворянам добиться не удалось.

Исходя из некоторых данных, можно предположить, что в годы крестьянской войны был издан (или, во всяком случае, применялся) закон, запрещавший помещикам кабалить собственных крестьян ⁷⁵. Этот закон В. И. Корецкий рассматривает как уступку, вырванную восставшими крестьянами ⁷⁶. Сложнее обстоит дело с законодательством о побегах крестьян и холопов. В. Н. Татищев сохранил нам запись уложения 9 марта 1607 г., которым устанавливался пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян и холопов ⁷⁷. Однако это крепостническое мероприятие не было осуществлено на практике: оно было сметено всем дальнейшим ходом крестьянской войны ⁷⁸. Этим, по-видимому, и объясняется то, что уложение 1607 г. не сохранилось в указных книгах приказов, содержащих действовавшие законодательные нормы. В 10—30-х годах XVII в. утвердилось правило о пятилетнем сроке сыска в том виде, в каком оно было санкционировано законом Лжедмитрия I (1606 г.), основанным на указе 1597 года. Следовательно, крестьянская война начала XVII в. задержала примерно на половину столетия окончательное закрепощение крестьян, что содействовало ликвидации тяжелых последствий иностранной интервенции и экономическому подъему страны в XVII веке. В этом прежде всего состоит ее прогрессивное значение.

Возврат к законодательству конца XVI — начала XVII в. о сыске

⁷⁰ А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, стр. 183; И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М. 1953, стр. 136.

⁷¹ «Акты исторические». Т. 1, № 222—II.

⁷² В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 96.

⁷³ «Памятники русского права». Вып. IV, стр. 380—381, 405.

⁷⁴ Там же, стр. 376—377, 403.

⁷⁵ Сохранился в деле 1622 года. А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. М.-Л. 1943, стр. 350.

⁷⁶ В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М. 1957, стр. 227 (кандидатская диссертация).

⁷⁷ См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 535—537.

⁷⁸ См. об этом В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в., стр. 191.

крестьян имел и еще один весьма важный аспект. Этот возврат, по существу, означал, что крестьяне и служилые холопы, бежавшие в годы крестьянской войны, освобождались от крепостнической кабалы. В конце XVI — начале XVII в. на южные и восточные окраины Русского государства бежало множество крестьян и холопов. А. Г. Маньков, изучавший «своязные книги» Троице-Сергиева монастыря, установил, что за 1605—1614 гг. из вотчин этой феодально-церковной корпорации бежало 769 человек, причем основная масса (685 человек) — в 1605—1609 гг., во время наибольшего подъема крестьянской войны⁷⁹. По наблюдениям этого исследователя, только по Владимирскому уезду из вотчин Троице-Сергиева монастыря бежало в 1605—1607 гг. свыше 20% крестьян⁸⁰. Эти цифры указывают на огромный размах крестьянских побегов. Освоение беглыми южных окраин России, начало крестьянской колонизации Сибири, рост казачества — таковы последствия крестьянской войны, во многом способствовавшие восстановлению и подъему экономики России XVII века.

К числу спорных проблем истории восстания Болотникова относится вопрос о его основных движущих силах. «Первое место в восстании Болотникова, — пишет И. И. Смирнов, — бесспорно, принадлежало холопам». И ниже: «Основное ядро войска, осаждавшего Москву, составляли... те «боярские люди и казаки», которые остались верными Болотникову»⁸¹.

Крайне тяжелое экономическое и юридическое положение кабальных людей вынуждало их, конечно, активно бороться за свое освобождение. Участие холопов в крестьянской войне объяснялось также и тем, что в так называемой дворянской поместной коннице холопы составляли значительную часть. По боярской книге 1556 г., один служилый человек приводил с собой, как правило, трех — четырех воинов⁸². Весьма правдоподобны предположения С. Ф. Платонова и И. И. Смирнова, что военным холопом был и сам И. И. Болотников⁸³. Но при всем этом считать холопов основной движущей силой крестьянской войны нельзя, на что в свое время справедливо указывал К. В. Базилевич⁸⁴.

И. И. Смирнов пытается подкрепить свое утверждение ссылкой на Авраамия Палицына, который свидетельствует о бегстве «рабов» боярских во время голода 1601—1603 гг. на южные окраины Русского государства⁸⁵. Палицын сообщает, что в годы восстания Болотникова 20 тыс. этих «рабов» находилось в осадном сидении в Калуге и Туле⁸⁶. Наконец, говоря об осаде Москвы Болотниковым, Иван Тимофеев называет восставших «своеверными рабами»⁸⁷.

Все эти данные, однако, не могут быть признаны убедительными. Сочинения церковного и литературного характера часто называли «рабами» не только холопов, но и крестьян. В официальных документах, хронографах и других памятниках начала XVII в. указывается, что среди вос-

⁷⁹ А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. «Ученые записки» Ленинградского университета, 1941, № 80, таблица II: ср. также Л. В. Черепнин. Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в. «Ученые записки» Института истории РАН ИОН. Т. VII. М. 1928, стр. 100—116.

⁸⁰ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 54.

⁸¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 106, 263.

⁸² А. И. Яковлев. Указ. соч., стр. 313.

⁸³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 143.

⁸⁴ См. замечания К. В. Базилевича в рецензии на книгу И. И. Смирнова «Восстание Болотникова». «Советская книга», 1949, № 10, стр. 58.

⁸⁵ «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 107—108.

⁸⁶ И. И. Смирнов ошибочно полагает, что у Палицына названы 20 тыс. «холопов», которые составляли гарнизон осажденной Тулы (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 106, 451). У Палицына сказано, что упомянутые «рабы» входили в число осажденных как Тулы, так и Калуги, причем наряду с ними в осаде находились и местные жители («кроме тамошних собравшихся воров»).

⁸⁷ «Временник Ивана Тимофеева». М.-Л. 1951, стр. 113.

ставших были холопы, крестьяне, дети боярские и посадские люди⁸⁸. Охват крестьянской войной огромной территории Русского государства, ее широкий размах показывают, что основной движущей силой в ней было крестьянство.

Одной из особенностей крестьянского восстания, возглавленного Болотниковым, являлось и то, что в его рядах имелось много попутчиков⁸⁹. Крестьянские войны под предводительством Разина и Пугачева отличались гораздо большей социальной однородностью участников. Отмечая это, В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева и Т. П. Ржаникова усматривают в восстании Болотникова «компромисс между крестьянством, с одной стороны, и боярской фрондой или мелкопоместной оппозицией»⁹⁰ — с другой.

Это утверждение, на наш взгляд, неверно. Никакого «компромисса» между восставшими крестьянами и «мелкопоместной оппозицией», а тем более боярской фрондой (бояр вообще не было среди участников восстания Болотникова) не существовало. Компромисс предполагает взаимные уступки со стороны различных группировок, соглашение, в ходе которого вырабатывается единая программа. Антифеодальное острое восстание, разгром дворянских усадеб, убийство господ, о чем сообщают источники, были чужды как Прокопию Ляпунову (автору крепостнического приговора 1610 г.), так и Истому Пашкову. Они стремились лишь к тому, чтобы использовать вооруженную силу крестьян и холопов в своих классовых целях. Речь должна, следовательно, идти о дворянских попутчиках из южнорусских городов с их особой программой. Данный вопрос, к сожалению, еще не получил достаточного освещения в литературе.

М. Н. Покровский в своих ранних работах считал, что рязанские помещики являлись главной силой восстания, подчинившей себе крестьян⁹¹. И. И. Смирнов правильно указывает, что Истома Пашков и Прокопий Ляпунов были только попутчиками в восстании. Вместе с тем он высказывает предположение, что крестьянское войско во главе с Болотниковым, с одной стороны, и дети боярские во главе с Пашковым — с другой, двигались на Москву двумя различными путями⁹². И. И. Смирнов отмечает «известную обособленность и самостоятельность» дворянских отрядов в войске Болотникова⁹³.

Уже Р. В. Овчинников показал, что гипотеза И. И. Смирнова о движении повстанческих войск на Москву двумя различными путями не подтверждается сохранившимися источниками; она построена на показаниях Конрада Буссова, крайне сомнительных по своей достоверности⁹⁴.

Гипотеза И. И. Смирнова не может быть принята и по ряду других

⁸⁸ По данным Расходной книги Разрядного приказа, среди «колодников» из числа захваченных под Москвой повстанцев было примерно одинаковое число холопов, крестьян, казаков, посадских людей и детей боярских. Однако надо учесть, что среди «колодников» были «выходцы», то есть изменники, и лица, которым сохраняли жизнь в надежде получить от них те или иные сведения. Поэтому книга дает более ясное представление о попутчиках восстания, чем о рядовых его участниках (А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Указ. соч., стр. 29).

⁸⁹ В. И. Шунков. Рецензия на книгу И. И. Смирнова «Восстание Болотникова». «Известия» АН СССР. Отделение истории и философии. Т. VI, № 4, 1949, стр. 369.

⁹⁰ В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянской войны в России. «Вопросы истории». 1956, № 2, стр. 74.

⁹¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. II. 1933, стр. 42. В более поздней работе М. Н. Покровский писал, что против Шуйского выступили и средние, и мелкие помещики... и массы крестьянства (М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 68). Он не давал четкой характеристики событиям 1607—1608 гг. как определенному этапу крестьянской войны.

⁹² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 188 и др.

⁹³ Там же, стр. 257; ср. стр. 263.

⁹⁴ См. Р. В. Овчинников. О начальном периоде восстания И. Болотникова. «Вопросы истории». 1955, № 1, стр. 116—120.

соображений. Автор исходит из предположения, что в начальный период восстания Болотникова параллельно имели место два явления: крестьянское движение и дворянская фронда. Внешне они проявлялись в двух различных путях движения на Москву.

Принципиально такая расстановка сил была возможна, но фактически дело обстояло сложнее. И. И. Смирнов явно противоречит собственной концепции, когда предполагает, что основную часть войска Пашкова составляли восставшие крестьяне и холопы (40 тыс. человек)⁹⁵, потому-то сам Пашков из попутчиков неожиданно превращается у него в одного из вождей крестьянского восстания. Но это неверно.

Руководитель оппозиционных групп южнорусского дворянства во главе отряда в 400—500 «тулян, коширян и веневицей»⁹⁶ не был, конечно, в состоянии самостоятельно предпринять поход от Тулы к Москве. Уже под Коломной его отряд влился в основную массу восставших, где Пашков стал одним из видных военачальников. Оценка роли дворянских попутчиков тесно связана с изучением конкретных вопросов истории начального периода восстания Болотникова.

Опубликованные за последнее время новые материалы вынудили И. И. Смирнова отказаться от ряда изложенных в его монографии положений (например, от гипотезы о движении Болотникова на Волоколамск)⁹⁷.

Вместе с тем, стремясь примирить новые данные со своей прежней схемой, И. И. Смирнов выдвинул ряд дополнительных предположений, с которыми также нельзя согласиться. Например, он утверждает, что осада Москвы войсками Пашкова началась 7 октября 1606 года.

В обнаруженной Р. Г. Королевой Расходной книге Разрядного приказа имеется ясное свидетельство о том, что поход царских войск во главе с Ф. И. Мстиславским и Д. И. Шуйским (хорошо известный и по другим источникам) начался 23 октября 1606 года⁹⁸. В этом походе правительственные войска были разбиты под селом Троицким, после чего Болотников начал осаду Москвы. Совершенно очевидно, что гипотезу И. И. Смирнова о начале осады Москвы 7 октября 1606 г. войсками И. Пашкова⁹⁹ в свете новых данных следует признать несостоятельной.

Однако И. И. Смирнов, продолжая отстаивать свою точку зрения, предполагает, что уже в начале октября повстанцы находились под стенами Москвы и что, следовательно, Расходная книга Разрядного приказа говорит о каком-то новом походе во главе с Мстиславским и Шуйским. «Разве не могло быть двух походов, в которых участвовали Федор Мстиславский и Дмитрий Шуйский?»¹⁰⁰ — спрашивает он в своей последней работе. Но принять новую гипотезу И. И. Смирнова мешает целый ряд фактов.

Прежде всего нельзя объяснить, почему во всех источниках (кроме Расходной книги), где упоминается поход Дмитрия Шуйского и Федора Мстиславского под село Троицкое, нет ни слова о их новом походе. В Расходной же книге, наоборот, странным образом умалчивается о походе к селу Троицкому. И. И. Смирнов приводит три довода в доказательство того, что под стенами Москвы уже в начале октября находились войска повстанцев. Он прежде всего ссылается на сведения приходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря от 13 октября 1606 г.; в них говорит-

⁹⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 265.

⁹⁶ См. А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции.

⁹⁷ И. И. Смирнов. К истории восстания под руководством Болотникова. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 111—116.

⁹⁸ А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Указ. соч., стр. 30.

⁹⁹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 187; см. также А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 214.

¹⁰⁰ И. И. Смирнов. К истории восстания под руководством Болотникова, стр. 112.

ся о том, что в это время Волоколамск находился в руках восставших¹⁰¹. Однако в найденном недавно О. А. Яковлевой «Пискаревском летописце» сообщается, что в районе Волоколамска действовали не Болотников или Пашков, а отдельные отряды повстанцев во главе с атаманом Соломой, Василием Шестаковым и другими¹⁰².

И. И. Смирнов также считает, что «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия и сообщение в «Ином сказании» о посте в Москве (с 14 до 19 октября) могут быть объяснены только обстановкой, сложившейся «уже после того, как Москва была осаждена отрядами восставших»¹⁰³. Однако в «Повести» нет ни одного конкретного указания на то, что она составлялась в период осады Москвы. К тому же она была включена в «Иное сказание» только в 1623 г., и ее связь с событиями 14—19 октября вообще весьма сомнительна. Наконец, последний аргумент И. И. Смирнова — это сведения Дьяментовского о слухах, распространявшихся в Ярославле в десятых числах октября и позднее, о том, что «якобы под Москву пришло войско Димитрия» и что «в Москве собирались садиться в осаду»¹⁰⁴.

Сообщения Дьяментовского рисуют тревожную обстановку в Ярославле в период, когда шло наступление на Москву, но из них отнюдь не следует, что войска Болотникова или Пашкова уже в начале октября находились в непосредственной близости к столице¹⁰⁵. Наоборот, Дьяментовский одновременно со слухами о движении восставших пишет о «великом войске под Серпуховом» (Серпухов был занят Болотниковым в конце сентября — начале октября 1606 г.), то есть явно свидетельствует, что восставшие не подошли еще непосредственно к Москве. В одном из тогдашних документов говорится, что 21 октября 1606 г. пришедшему из Коломны Савке Родионову было дано в Разрядном приказе на корм 2 алтына¹⁰⁶. По-видимому, Коломна к тому времени еще не была взята Болотниковым или за нее шли бои, что и вызвало бегство оттуда Савки Родионова.

Дата 28 октября 1606 г. как начало осады Москвы повстанцами устанавливается прямыми свидетельствами разнообразных источников («Иного сказания», разрядных записей и сообщением Георга Паэрле)¹⁰⁷. И. И. Смирнов полагает, что осада столицы началась еще 7 октября. Он ссылается на сообщение «Иного сказания» о вторичном приходе восставших под Москву после трехнедельного затишья в военных действиях («паки на Коломенское пришедше») ¹⁰⁸. Если даже согласиться с трактовкой И. И. Смирновым слова «паки» как «вторично», то все равно выходит, что в «Ином сказании» говорится не о двукратном приходе различных групп восставших, а о возвращении под Москву тех же самых отрядов, которые находились у села Коломенского, а потом отошли оттуда. Если Болотников подошел к стенам Москвы 28 октября, то, очевидно, «Иное сказание» говорит о событиях 16—18 ноября, когда начались новые бои под Москвой. Весьма интересна в этой связи запись 19 ноября в Расходной книге Разрядного приказа, сообщающая о пленных, «которые взяты под Коломенском на деле»¹⁰⁹.

¹⁰¹ Там же, стр. 112—113.

¹⁰² «Пискаревский летописец». «Материалы по истории СССР». Т. II. М. 1955.

¹⁰³ И. И. Смирнов. К истории восстания под руководством Болотникова, стр. 113.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Грамоты Шуйского, которые излагает Дьяментовский, также говорят не об осаде столицы основными силами крестьян и холопов, а только о разведочных (или передовых) отрядах («загонных людях»), находившихся «в разных местах... под Москвой». См. A. Hirschberg. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów. 1901, str. 82.

¹⁰⁶ См. А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Указ. соч., стр. 30.

¹⁰⁷ Подробнее см. Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 119.

¹⁰⁸ РИБ. Т. XIII, стб. 100.

¹⁰⁹ А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Указ. соч., стр. 3.

Стремясь подкрепить свою новую гипотезу о двукратном походе Шуйского и Мстиславского, И. И. Смирнов приводит выдержку из дневника Диаментовского от 5 ноября (26 октября). В ней говорится: «От Москвы отступило (в польском тексте *ustapilo*) войско под Серпухов и другие города, а за ним должны были отправиться с войсками князь Мстиславский с князем Дмитрием Шуйским»¹¹⁰. В данном случае, по мнению И. И. Смирнова, речь идет о том же втором походе Мстиславского и Шуйского, о котором сообщает Расходная книга Разрядного приказа. Р. В. Овчинников переводит слово «*ustapilo*» как «выступило»¹¹¹. Запись Диаментовского, как ему представляется, говорит о выступлении войск М. В. Скопина-Шуйского, с которым позднее соединились отряды Шуйского и Мстиславского. Этот поход начался 21 октября и закончился битвой под Троицким. Дело в том, что Диаментовский в более ранней, упоминавшейся выше записи говорил о «великом войске» восставших под Серпуховом, теперь он сообщает о походе против этих войск, а в дальнейшем — о разгроме посланных под Троицкое царских воевод (сообщение помещено после записи от 16 ноября); вслед за тем войско повстанцев «быстро подступило к Москве»¹¹². Диаментовский очень последовательно рассказывает об основных этапах наступления болотниковцев на Москву. Если принять новую трактовку его рассказа, предложенную И. И. Смирновым, то кажется странным, почему такой внимательный наблюдатель, как Диаментовский, не сообщил об основных моментах, связанных с началом осады столицы (битва под Троицким и др.).

Согласиться с мыслью о втором походе Шуйского по Серпуховской дороге в момент осады Москвы повстанцами мешают и другие соображения: с военно-стратегической точки зрения вряд ли было целесообразно отправлять основные вооруженные силы за много верст от Москвы в то время, когда крестьяне и холопы угрожали столице Русского государства.

Таким образом, вся совокупность сохранившихся источников не позволяет принять новую гипотезу И. И. Смирнова о двукратном походе Д. Шуйского и Ф. Мстиславского из Москвы против Болотникова¹¹³.

¹¹⁰ А. Hirschberg. Указ. соч., стр. 83; см. также И. И. Смирнов. К истории восстания под руководством Болотникова, стр. 115.

¹¹¹ Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 119. Нам представляется перевод И. И. Смирнова более правильным, но его толкование ошибочным: речь, очевидно, идет об отступлении Болотникова не непосредственно от стен Москвы, а от Пахры, после которого была битва под Троицким.

¹¹² А. Hirschberg. Указ. соч., стр. 83. И. И. Смирнов в своей монографии правильно расценивал эти сведения Диаментовского как относящиеся к сражению под селом Троицким (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607, стр. 268). Однако в последней своей работе он отказался от старого объяснения, отнес эти сведения к новому походу воевод по Серпуховской дороге. К сожалению, И. И. Смирнов не отмечает место расположения Троицкого, а на карте, приложенной к его книге, это село помещено ошибочно в районе Москвы-реки. На самом деле оно находилось в 17—18 км северо-восточнее Лопасни, то есть между двумя предполагаемыми войсками И. И. Смирновым «путями» движения на Москву, а не по пути следования войск Истомы Пашкова. Село Троицкое действительно расположено в пятидесяти с небольшим километрах от Москвы, как то сообщал «Новый летописец», в районе Домодедовской волости, где соединились войска М. Скопина-Шуйского и Ф. Мстиславского, двигавшиеся навстречу восставшим по коломенской дороге (см. карту И. А. Голубцова в приложении к учебнику «История СССР». Т. 1. М. 1956).

¹¹³ Я не касаюсь ряда вопросов, связанных с начальным этапом похода восставших на Москву. Отмечу лишь, что в Расходной книге Разрядного приказа отнюдь нет «записи, документально подтверждающей факт наступления отрядов Истомы Пашкова по маршруту Елец — Коломна» (И. И. Смирнов. К истории восстания под руководством Болотникова, стр. 116). Запись от 5 февраля 1607 г. о коне, который был отобран восставшими у отца С. Фомина, как уже предположил Р. В. Овчинников, источник связывает не с самим Пашковым (к нему конь мог попасть позднее), а с действиями восставших вообще (Р. В. Овчинников. Указ. соч., стр. 117).

Главный источник, на котором И. И. Смирнов основывает свою гипотезу о двух походах на Москву (от Ельца и Кром), Конрад Буссов, требует к себе сугубо критического подхода. Находясь во время описываемых событий в калужском поместье,

23 октября 1606 г. правительство отправило крупные вооруженные силы во главе с этими воеводами против крестьян и холопов, достигших Серпухова и Коломны. В битве под Троицким Болотников нанес сокрушительный удар посланным против него царским войскам и 28 октября начал осаду Москвы.

В настоящей статье мы остановились лишь на некоторых вопросах истории крестьянской войны начала XVII в., вопросах, еще недостаточно изученных или требующих, на наш взгляд, иного освещения, чем то, с которым мы встречаемся в исторической литературе. Этим проблема отнюдь не ограничивается. Следует также внимательно изучить формы и глубину крестьянского движения конца XVI — начала XVII в., когда складывались предпосылки крестьянской войны. Не может считаться вполне разработанной и история мелкопоместного землевладения на юге Русского государства, без изучения которой трудно конкретно проследить характер и степень участия южного дворянства в событиях начала XVII века.

Первая крестьянская война в Русском государстве не ограничивалась восстанием Болотникова. Она обнимала огромный комплекс событий примерно с 1603 по 1614 г. и усложнялась борьбой с иностранной интервенцией. В работах Н. Л. Рубинштейна, И. С. Шепелева и других исследователей показана та великая освободительная война, которую вели народные массы нашей страны в начале XVII в. против иноземных захватчиков. Следует только более детально выяснить, как это национально-освободительное движение переплеталось с антифеодальной борьбой. События начала XVII в. в России представляют собой одну из великих крестьянских войн, волной прокатившихся по европейским странам на рубеже нового времени. Выяснить специфику крестьянской войны в России, показать общие черты и особенности, которые были характерны для нее, — также одна из важных задач советских историков.

Основные причины поражения восстания крестьян и холопов в начале XVII в. связаны с социально-экономической отсталостью русского города и незрелостью бюргерства, которое оказалось не в состоянии возглавить борьбу крестьян за освобождение от крепостничества. В силу тех же причин в событиях начала XVII в. сыграло большую роль мелкопоместное дворянство. Но оно, как правило, предавало крестьян и холопов, когда становилась ясной противоположность их классовых интересов. Крестьянская война оказала громадное влияние на социально-экономическое развитие России XVII века. Затормозив рост крепостничества и вызвав усиление крестьянских побегов на юг и восток страны, она содействовала подъему экономики окраин, освоению южных степей и сибирских просторов.

Буссов знал, что на Коломну двигались две группы войск восставших: из района Калуги — Болотников, а из района Тулы — Каширы — Истома Пашков. Однако он допустил ошибку, представив дело так, будто отряды Пашкова выступили не от Тулы, а из района Ельца, то есть приняли участие в движении уже с самого начала восстания и пришли под Москву независимо от войск Болотникова. Перед нами, следовательно, явное смещение перспективы у современника происходивших в 1606 г. событий.